

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2026.6.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.1)

EDN [QVDKDP](https://edn.ru/QVDKDP)

Научная статья

ВЕКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА РОССИИ

Великий П. П.

Институт аграрных проблем ФИЦ СНЦ РАН, Саратов, Россия

E-mail: iagpran@mail.ru

Для цитирования: Великий, П. П. Векторы исторического изменения социально-экономической и культурной жизни сельского социума России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 10–29. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.1). EDN [QVDKDP](https://edn.ru/QVDKDP).

Аннотация. На основе методологических положений теории социологии жизни рассматривается структура жизненного мира сельского населения. Объяснены причины невключенности многовекового опыта частной формы труда крестьянских сообществ в открывшуюся возможность ведения хозяйства в статусе фермера. В начале аграрной реформы 1990-х гг. многие жители села не обладали необходимым образованием, не понимали ценности пахотной земли, что отрицательно повлияло на принятие актуальных решений. Выявлены особенности жизненного мира как реальности в виде «незавершенного проекта» под воздействием объективных условий и субъективных факторов не только здесь и сейчас, но и в относительно близкой и отдаленной перспективе. Дана оценка специфики социокультурной и духовной жизни сельских сообществ в условиях исключения большей части их членов из привычных форм трудового, социокультурного и гражданского участия. С позиции ценностей человекообразности рассмотрены проблемы самоопределения двух ключевых групп сельских сообществ – работников сельского хозяйства и фермеров. Дано объяснение возникновению и укоренению тенденции неоправданно глубокого социального неравенства в сельских сообществах, связанное с ориентацией аграрного производства на включение в него неполного состава членов бывших колхозов и совхозов. Сформулированы векторы возможных будущих изменений жизненного мира сельского социума. Гармонизация жизненного мира села зависит от взаимного согласования деятельности разных ведомств, ответственных за сельское развитие, на основе учета потребностей и интересов всех социально-профессиональных групп сельского населения.

Ключевые слова: сельские сообщества, аграрная реформа, социокультурная деятельность, гражданское участие, фермеры, персонал корпоративно-долевых организаций, традиции, жизненный мир

Введение

Деревня как совокупность населения, освоившего земельные угодья для постоянного восполнения ресурсов выживания, имеет длительную историю создания институтов соразмерности и согласованности жизни сообществ. В ней складывались особые предпосылки естественной толерантности, обусловленной чаще всего религиозными основаниями, которой определяются специфические особенности разрешения противоречий внутри сообществ во взаимодействии с чужими. Аграрная реформа 1990-х гг., изменив экономические, хозяйственные, социокультурные отношения, заложила предпосылки для разновекторности функционирования эле-

ментов сельского жизненного мира. Специфика вступления в новый социально-экономический порядок определяется укоренившимися ориентирами на мудрость государственного проектирования, состоянием личностных качеств, наличием у постколхозников предпринимательской жилки, уровнем образованности в технической сфере и способностью к рациональному экономическому поведению. Не менее важны состояние экономических институтов, банковского и денежного дела, которые, как известно, были изначально ориентированы на плановую экономику.

Важным моментом коррекции нормативных действий в условиях уходящих в прошлое социальных отношений стали межличностные отношения субъектов реформации – от министерств и ведомств до отдельных индивидов в локальных общностях, районных и областных центрах. Огромные площади ранее возделывавшихся земель, которые вскоре после проведенной аграрной реформы заросли сорными травами, а к настоящему времени мелколесьем – яркое свидетельство человеческой жадности, когда захваченная земля оказалась неподъемной собственностью.

Население деревни действительно развивалось вместе с обществом и государством, получая новые возможности для улучшения своей жизни, профессиональной и общей культуры. Однако не исключены издержки и вызовы, как локальные и относительно легко преодолимые, так и кардинальные, массовые. Поколениям конца XX в. пришлось возвращаться ко многим устоям жизни своих предков, из которых они были вырваны событиями вековой давности. Как это делать – не было ни теоретических представлений, ни практического опыта.

Между возникшими новыми хозяйственными структурами не сложилось органичной связи: ни фермерство, ни организации корпоративно-долевого уклада не входят глубоко в нужды сельского сообщества, поэтому самые активные члены до сих пор выбирают трудовую занятость за пределами своего места жительства. Молодежь в большинстве случаев, окончив сельскую школу, ориентируется на жизнеустройство за пределами села. Пенсионеры и неработающие женщины-домохозяйки замкнуты на заботы о домашнем быте.

Идеи и способы вступления сельского социума в аграрную реформу вывели большую часть сельских жителей из устоявшихся моделей выживания и воспроизводства поколений. Прошедшее 30-летие пореформенного времени не только не изменило ситуацию в лучшую сторону, но и усугубило положение «лишнего» трудоспособного населения. Между повседневной жизнью разных групп локальных сельских сообществ возникли разрывы на основе неравномерности реального обладания собственностью и положением в общественной организации труда. В отдельном селе, как правило, есть несколько фермеров, глубоко озабоченных доходами своих хозяйств. «Крестьянская» часть крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ) просто не существует в том образе, на который рассчитывали реформаторы. Ее место заняли наемные работники с неизбежными качествами «прекариатной» отстраненности, присущей наемному труду. Другая, подавляющая часть сообщества живет вне подобных забот. Хотя по замыслу реформаторов структура КФХ должна была включать членов семей, чтобы все были «при деле», однако широкого распространения эта практика не получила.

На сохранение и корректировку характеристик мира сельских сообществ нашего времени повлияли социально-экономические, социокультурные и духовные факторы первоначальной стадии капитализма, которая в России была особенно болезненной. Общество слишком быстро забыло, что означала для села ментальная методика смены порядка жизни в деревне. Начиная аграрную реформу, ее организаторы, по-видимому, не принимали во внимание того, что между укорененными представлениями сельского населения, процессом формирования общественного мнения и принятия решений существует тесная взаимозависимость. Лицо сельского мира испытало удары и от действий внешних организаций и дельцов, преследовавших свои интересы: первые изымали земельные наделы (агрохолдинги, «белые фермеры», т. е. горожане, получившие пахотные земли колхозов), вторые арендовали на 50 лет пруды, озера, лесные угодья. Обнаружилось, что устранение государства от коррекции отраслевой структуры новых хозяйств (фермерского и корпоративно-делового уклада) привело к формированию симбиозных структур. Все лишения, заданные на начальном этапе аграрной реформы, перешли в пореформенный период. Превращенные формы во многих сферах жизни приобрели законный вид. В силу отстранения большинства сельских жителей от сотрудничества с местной властью и хозяйственными организациями для решения значимых задач, духовно-нравственные ресурсы сельских сообществ сосредоточились на внутриобщинных бытовых вопросах. Тем не менее места для коллективной солидарности осталось немного, но она все же находит пространство для своего воплощения. Сочувствие, безвозмездная помощь старикам и инвалидам – наиболее распространенные проявления духовности старшего поколения, к которому подтягивается сельская молодежь. За прошедшую четверть XXI в. сельский жизненный мир не обрел образа стабильного движения в будущее. Неуверенность в надежности грядущего – доминирующая черта социальных настроений и фактор конструирования будущего как для взрослых, так и для молодежи.

Объектом исследования является жизнеустройство населения современной российской деревни. Предмет – практики жизнеустройства сельского населения в современных условиях. Цель исследования – оценка состояния социального благополучия разных групп сельского населения и перспектив его роста.

Материалы и методы

Настоящая статья является результатом непрерывного, почти сорокалетнего, социологического наблюдения за российской деревней регионов Сибири, Урала, Поволжья, Краснодарского края под углом зрения удовлетворения основных потребностей сельского населения. По итогам социологического анализа проблем села после начала аграрной реформы институтами РАН готовились аналитические доклады в Президиум РАН, правительство и Президенту. После замены колхозов и совхозов организациями корпоративного и фермерского укладов образовались новые проблемы: резко изменилось положение всех социально-профессиональных и демографических групп села, что стало предметом изучения и публикаций многочисленных статей и индивидуальных монографий. Результаты были представлены на четырех конгрессах социологов России.

В пореформенные годы автор получил поддержку РГНФ, РФФИ и РНФ семи грантовых проектов по отдельным актуальным темам: зарубежным мигрантам в российской деревне, развитию неаграрных производств, успешным хозяевам подворий, фермерству. Многолетние регулярные встречи с разными категориями жителей деревни создали чувство собственного включенного наблюдения за реалиями села. С одной стороны, это позволило глубже понять особенности постколхозной деревни, с другой – возможно, привело к излишней эмоциональности в ущерб уравновешенной академичности.

Жизненный мир сельского населения рассматривается в основном как повседневность его жизни в условиях функционирования рыночных социально-экономических отношений. Занятость в общественном аграрном производстве, домашней сфере или за пределами села (неаграрное отходничество), способы проведения свободного времени, информационная компетентность – эти и некоторые другие аспекты являются полем социологических исследований. Этот подход считает сельских жителей частью общей массы населения, локализованного в поселениях разной величины, однако недостаточно учитывает этосные составляющие, укорененные в повседневность. И к ним применяются методики изучения, мало отличающиеся от городских, в которых допустимо не учитываются некоторые эффекты, идущие из прошлого. Именно таким эффектом обладала крестьянская община в России, прежде всего в выживании ее членов в трудных, критических ситуациях. Хотя одни деревни имеют многовековую историю, другие возникали в XIX в., но все они очень скоро приобретали единообразный этос, в основе которого лежали смыслы доброжелательства и нравственных ценностей, особенно если они строились на христианских заповедях. Эти особенности позволили Ф. Теннису определить такой этос как «присущий семье».

Понятие «вектор» отражает несколько состояний объекта с позиции слаженности самодвижения, то есть все составляющие жизненного мира сельского социума (сообщества) согласованно взаимодействуют между собой, что соответствует комплексности и системности. В то же время термин вектор (vector) (от латинского «несущий») охватывает такие свойства социальных процессов как скорость, ускорение, замедление, в определенном отрезке времени, а также обладает эвристической перспективой.

Жизненный мир как понятие и его эмпирическое наполнение привлекают исследователей с XIX в. Мир – понятие многозначное. Логика научного познания опирается на многие ценностные ориентиры христианства, непревзойденные и по истечении двух тысячелетий. Интерес социологов к изучению жизненного мира возрос в XIX–XX вв. К нему обращались Э. Дюркгейм, М. Вебер, Э. Гуссерль. О взаимосогласованном опыте человечества писал А. Шюц [1]. Ю. Хабермас выделил в качестве интегрирующего фактора объективные и субъективные признаки реальности [2]. В советской и российской социологии стали актуальными темы образа жизни и социального планирования, которые охватывали и содержание жизненного мира территорий, поселений и производственных коллективов (И. В. Бестужев-Лада, Л. Н. Коган, П. П. Великий и др.). Жизненный мир деревни исследовали В. И. Староверов, П. И. Симуш, Ю. В. Арутюнян. В настоящее время состояние жизненного мира сельского социума привлекает внимание О. П. Фадеевой,

О. В. Нечипоренко, Т. А. Жуковой, Е. В. Морозовой и других авторов, исследования которых регулярно публикуются в журнале «СОЦИС».

Структура жизненного мира представляет собой синтез объективного и субъективного в существовании и жизнедеятельности людей, включенных в различные формальные образования: коллективы, поселенческие сообщества, семьи. При этом значительную роль в смысловом и деятельном поведении людей играют существующие в обществе социально-экономические отношения, причастность индивидов и групп к высокоизбирательным вопросам, действительная, а не мнимая, возможность быть активным участником распределения благ и ценностей, возникающих в результате их труда. Несмотря на институционализацию, большая часть сельских жителей оказалась вне этого процесса. КФХ, задуманное как семейное, стало организацией с единственным руководителем и наемными работниками. Крайне ограничены возможности персонала сельскохозяйственных организаций акционерного типа, когда вся собственность перешла в руки людей, чуждых сельскому укладу жизни.

Другие составляющие жизненного мира: социально-профессиональный уровень, приватная жизнь, перспективные цели жизнеустройства, коллективная воля сельских сообществ – важные для индивидов – во многом являются производными от социально-экономических и трудовых отношений в АПК. Именно они породили проблему «лишних людей» на селе: неотходничество и уход в неформальную экономику, новый (по сравнению с колхозным) образ жизни, трудный и непредсказуемый по длительности и эффективности результатов [3].

В наше время понятие жизненного мира преимущественно означает совокупность человеческих отношений в территориальном пространстве (городской, сельской, мир западных и восточных цивилизаций). Впрочем, этот термин применим и для описания всей совокупности функций и других субъектов, например, мир семьи, локального сообщества или производственного персонала. Особое значение имел данный термин в реалиях жизни крестьянской общины XIII – начала XX вв. Жить в миру – значит быть в мирских заботах, т. е. выходящих за пределы своего подворья. В сходе, как действующем органе самоуправления сельского мира, участвовал один мужик «от дыма» (семейного подворья), на волостном миру или круге – два хозяина от сотни. На этих сходах принимались жесткие меры против членов общины, например, отходников, запустивших, не обрабатывающих «по правилам» свою пахотную землю. Передача таких плохо ухоженных участков земли другой семье оценивалась с позиций несправедливости. И в целом жизнь в миру постоянно подвергалась моральной оценке, отличалась открытостью; любое событие, произошедшее сегодня, на завтра уже было известно всем, получало похвалу или осуждение.

С позиции социологии жизни актуальна задача оценки указанных устоев сельской жизни при наступлении перемен, кардинально изменивших положение массовых слоев современного сельского населения. Сельский мир в образе традиционных факторов не теряет этот уникальный ресурс в самых трудных условиях.

Термин «человекосоразмерность» использован для выражения противоречий входа индивидов и сообществ в новый социально-экономический порядок. При коренной ломке социально-экономических отношений в аграрной сфере сложно мо-

ментально создать условия для учета всех потребностей разных социальных групп. Организаторами реформ многие необходимые решения откладываются на будущее из-за отсутствия ресурсов. Сельское население, опривычевшее практики переноса позитивных перемен в отдаленное будущее (как, например, коммунизм), внутренне соглашается с возникшими ограничениями. Однако здесь не допустим переход определенных границ дозволенного, когда самые существенные человеческие нужды игнорируются. Возможное соотношение вынужденных жертв и позитивных решений хорошо схватывается термином «человекосоразмерность».

Информационную базу исследования составляют результаты нескольких прикладных социологических исследований под руководством автора. Первые из них, поддержанные РГНФ, были посвящены положению социально уязвимых групп – старшему поколению сельского населения. В 2018 г. в рамках гранта РФФИ на материалах Республики Татарстан и Саратовской области исследовались процессы образования групп успешных хозяев сельских подворий, которые во многом складывались на принципах самоорганизации¹. Выборка – квотно-гнездовая, репрезентативная по половозрастной структуре жителей (от 18 до 70 лет) муниципальных образований и крупности сел, с учетом зоны проживания – ближняя, средняя и дальняя периферия – по удаленности от областного центра [4, с. 78]. Исследовательская группа общалась с 363 респондентами посредством разнообразных методик (анкетирование, интервью, включенное наблюдение): в Саратовской области 188 домохозяйств из 52 сел, расположенных в 21 районе; в Татарстане – 110 домохозяйств из 45 сел, расположенных в 9 районах; в Московской области – 42 домохозяйства из 33 сел, расположенных в 4 районах; в Омской области проведено интервью 23 человек, в целях выявления роли фактора территориальной близости села к городу. Исследования 2024–2025-х гг. выполнялись в рамках проекта РНФ № 24-28-00219², когда было опрошено 203 фермера в Саратовской области и Краснодарском крае. Кроме того, использовались результаты социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания», проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2023 г. Объект исследования – жители сельских поселений Саратовской области (N=1 215). Выборка целевая, квотная, соответствующая профессионально-квалификационным группам (предприниматели – фермеры; наемные работники сельского хозяйства; работники бюджетной сферы; неформально занятые в сельском хозяйстве – ведут товарное ЛПХ на продажу и/или для собственного потребления; пенсионеры; лица трудоспособного возраста, не имеющие оплачиваемой занятости). Помимо этого, в работе применен метод вторичного анализа данных, где были использованы итоги социологического исследования труда, проведенного группой ученых под руководством Ж. Т. Тощенко [5].

¹ Грант РФФИ № 18-011-00206 «Успешные хозяева сельских подворий: смыслы и результаты активной жизнедеятельности».

² Грант РНФ № 24-28-00219 «Жизненный мир фермерства в современной России».

Обзор научной литературы

Литературу об устойчивых чертах русского крестьянства можно разделить на периоды, начиная с наиболее отдаленного времени. Общинно-народнические аспекты рассмотрены А. И. Герценом, Д. М. Петрушевским, Н. Г. Чернышевским. После революции 1917 г. социокультурные качества крестьян с социологической точки зрения анализировались П. А. Матвеевым, А. С. Посниковым, А. С. Пругавиным, М. Н. Харузиным, В. В. Томашевым, А. И. Шингаревым. И в наше время к теме жизнеустройства сельчан обращаются многие ученые. Достаточно назвать такие работы как коллективную монографию «Смыслы сельской жизни», публикации В. Г. Виноградского, А. М. Никулина, А. А. Хагурова, Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой и других. Более подробный анализ этих исследований представлен в работах П. П. Великого и А. А. Вяльшиной [6; 7]. В новейшей социологической литературе публикаций, в заглавии которых присутствует термин «жизненный мир», пока мало, но это не говорит о том, что данный феномен не изучается.

Теоретические исследования специфики поведения сельского мира проведены М. Вебером и Ф. Теннисом. Ф. Теннис в своей знаменитой книге «Общность и общество», сравнивал отношения в общности с семейными, скрепленными глубокими чувствами, что отсутствует в обществе, где другой рассматривается как средство решения частных интересов. В марке, описанной М. Вебером, качества общности ограничены, хотя и проявляются. Опыт вышедших из общины семей в процессе реформы П. А. Столыпина показал, что несмотря на прекращение ответственности перед общиной, оставались морально-нравственные обязательства в отношении односельчан, испытывающих нужду. В странах Запада, невзирая на преобладание фермерского уклада, существует интерес к комьюнити как способу жизни в условиях человеческого общения.

В западной социологической литературе распространены исследовательские работы, ориентированные на осмысление типичных характеристик жизни сельского населения, в том числе развивающие концепции поселенческой общины (комьюнити). Этому способствовали и практики их возникновения. В США их прирост составил от 10 тыс. в 1970 г. до 180 тыс. в 2004 г. [8, с. 141]. В комьюнити, как и в фермерских хозяйствах, возникают моменты рассогласования отношений, пути оптимизации которых рассмотрены С. Menke [9, с. 390]. Существуют и противоречия между интересами руководителя и наемного персонала, на которые обращал внимание еще М. Вебер [10]. Не обойдены вниманием и такие явления в жизни производственного персонала, как возникновение групп влияния и тенденции их особого положения по вознаграждению, льготам [11].

Крестьянство в теориях, ориентированных на революции, удостаивалось низкой оценки – пассивности и простоты жизни. Но с позиции ценностей нравственности, чистоты религиозности оно меньше всего деформировалось, по словам О. Шпенглера это «запечатленный миг живой природы» [12, с. 347], в то время как культура профессиональных групп – это «бытие, которое удерживается в них технической традицией, духом их труда» [12, с. 348]. Однако, если состав профессиональных групп будет пополняться из числа сельского населения, он будет носить многие позитивные черты своего сословия. Им более близки смыслы традицион-

ных духовно-нравственных ценностей, потому что в локальном сообществе существуют реальные предпосылки.

Результаты исследования

В анализе перспектив устройства сельской жизни преобладают подходы с позиции поиска средств (ресурсов, резервов) для преодоления нужды и нехватки. На первый взгляд, подход вполне оправданный: ныне живущие люди, оставив позади реалии жизни в условиях ограничений, если не сами, то их дети будут жить в лучших условиях. Однако в жизни, особенно если подходить к реалиям в долгосрочной перспективе, многое оказывается совсем не таким, каким было в представлениях – укоренившиеся недостатки не исчезают, новое время приносит новые, часто неопределяемые ограничения. Это наиболее отчетливо видно в сельских реалиях. С начала 1990-х гг. так и не удалось создать систему качественной и доступной медицинской помощи сельскому населению. Возможности спокойного, слаженного труда во вновь организованном АПК буквально оказались вырванными из «обновленной» жизни сельского населения. Ореол «доблестных тружеников полей», который присутствовал в сознании не одного поколения полеводов и животноводов, не выдержал наступивших перемен. Оказалось, что решение масштабных производственных задач страны, возможно при уменьшении в десятки раз числа занятых аграрным трудом.

Труд и социальное благополучие

Вторичный анализ результатов социологического исследования проблем жизненного мира сельских сообществ [6] проведен на основе анализа таблиц о положении работников из 12 сфер деятельности, включая сельское хозяйство. Были отобраны 5 отраслей, имеющие сходство – производство материального продукта. Сравнение работников сельского хозяйства с другими отраслями, к примеру, с медициной или образованием, оказалось бы некорректным. Были проанализированы переменные, характеризующие положение работников по поддержке профессиональной компетенции, здоровью, культуре, общественной деятельности, быту. Логико-комбинаторными методами выделены признаки групп (качества акторов, условия), которые наиболее резко отличают благополучные группы работников других отраслей от аграриев. Применив уже ставший общепринятым приемом перехода от процентного измерения к баллам и индексам, получаем совокупность факторов, в разной степени обуславливающих приближение жизненного мира сельских сообществ к максимально возможному в современных условиях.

Работники сельскохозяйственных организаций, в том числе крупные фермеры, достаточно однородны по положению в трудовых процессах (имеют необходимую квалификацию работать на тракторе, комбайне, производить ремонт техники). Сравнение работников промышленности, строительства, транспорта, торговли, ЖКХ и сельского хозяйства допустимо, так как продукты их труда, исключая некоторые операции, имеют общие черты. Разница в основном в том, что одна часть отраслей расположена в городах, где лучше развит сектор услуг и больше свободы в трудовом самоопределении, чего на селе нет или развито слабее.

Нами рассмотрены таблицы Всероссийского исследования труда, в которых отражены важнейшие стороны жизненного мира, с перекодировкой количества ответов в баллы (от 1 – низшее значение, до 5 – высшее) (см. табл. 1).

Переведа проценты в баллы, мы обнаружили, что показатели из 6 наиболее значимых переменных высшую оценку 4 получили все пять отраслей, из оцененных на 3 – четыре отрасли, на 2 – нет ни одной отрасли. Но по отдельным показателям («Изменилось ли материальное положение за последние три года», «Отдаленность работы от дома») представители всех отраслей поставили низшую оценку в 1–2 балла. Из 40 баллов высшее значение 4 балла составляет 20%, три балла – 47,5%, низшее – 20%. Сельское хозяйство в ряду остальных отраслей народного хозяйства почти не отличается от них, однако в нем более обострены две проблемы: увеличения материального благополучия за последние три года и справедливая оплата труда.

Таблица 1

Распределение ответов работников сельского хозяйства и четырех отраслей народного хозяйства (% от соответствующей группы)

Table 1

Distribution of responses from workers in agriculture and four sectors of the national economy (% of the corresponding group)

Избранные переменные	Отрасли профессиональной деятельности				
	Промышленность	Строительство	Транспорт	Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	Сельское хозяйство
Из каких источников формируется доход					
Заработная плата	99,1	99,1	98,2	98,2	96,0
Как изменилось материальное положение за последние три года					
Улучшилось	18,0	23,9	10,9	18,6	17,5
Ухудшилось	39,1	35,8	41,8	46,0	38,5
Могут ли влиять на принятие важных решений					
Могут влиять в полной мере в своей производственной организации	3,0	9,2	3,6	8,1	7,0
Не могут влиять	65,2	71,6	72,7	66,4	73,5
Состояние здоровья					
Полностью здоровы	16,7	17,4	12,7	15,0	14,0
Имеют хронические заболевания	20,6	12,8	14,5	15,0	40,0
Что является очень важным в Вашей жизни					
Семья	89,7	89,9	92,7	94,7	95,0
Работа	84,1	84,4	85,5	84,1	82,0
Отдых	66,5	70,6	74,5	71,7	64,5
Улучшится ли Ваша жизнь в ближайшем будущем					
Улучшится	28,8	33,9	21,8	38,9	25,5
Не улучшится	36,9	29,4	36,4	29,2	42,0

Примечание: 61,5% сельчан обеспечивают себя продуктами за счет ЛПХ

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийского исследования труда

Хотя по большинству показателей работники сельскохозяйственной отрасли находятся в ситуации, схожей с другими отраслями, это не означает, что они не испытывают особых, присущих только им ограничений, во многом заданных неравномерной нагрузкой работника: быть высоко востребованным в весенние и осенние месяцы и низко – в зимние. Собственники и руководители сельхозорганиза-

ций, исходя из экономических соображений, переводят работников на минимальную зарплату, активно поддерживают переход в неоплачиваемые отпуска. Среди других четырех отраслей доля аграриев, работающих без трудового договора, наиболее высока – 20,5% (исключая торговлю и ЖКХ, где показатель 23,9%). Обращает на себя показатель состояния здоровья, особенно наличие хронических заболеваний, уровень которых превышает сравниваемые группы работников в два раза (его имеют 40%, то есть почти половина работников сельскохозяйственной отрасли). Можно предположить, что в совокупности сельского населения их меньше, и что более здоровые и мобильные предпочли зарабатывать на жизнь в других местах посредством трудового отходничества, а для поддержки АПК остался физически ослабленный контингент.

Выбытие из аграрного трудового процесса работников с хроническими болезнями – реальная перспектива для многих сел, как и то, что замена их за счет местных жителей, отвечающих профессиональным стандартам, непростая задача. Дело в том, что многие инициативные люди, ощущая негативное в текущем обновлении жизни села и своего социального положения на предприятиях корпоративно-делового и фермерского сектора, активировали старый крестьянский способ – самозанятость по своему плану и наклонностям. В пореформенное время – это расширенные товарные ЛПХ. Находясь в более щадящем неформальном режиме по сравнению с фермером, сохраняя частичную связь с сельскохозяйственной организацией (кто-нибудь из их семей работает в ней), они, как правило, достигают более высокого уровня благосостояния, чем это возможно, полностью ориентируясь на формальную организацию. Минусы в таком образе жизни тоже есть: это отсутствие стажа работы и связанные с ним моменты социальной защиты. Но ориентация на ближайшие цели оказывается сильнее. При хорошей поддержке сбыта продукции самозанятость в жизненном мире сельчан находит широкое распространение³.

Низкий уровень среднедушевых доходов (см. табл. 2) обуславливает высокий уровень экономической уязвимости домохозяйства, что является серьезным ограничением возможностей самостоятельного повышения уровня и качества жизни семьи.

Таблица 2

Уровень доходов сельского населения по отношению к величине прожиточного минимума на момент исследования (% от соответствующей группы)

Table 2

The income level of the rural population in relation to the subsistence minimum at the time of the study (% of the corresponding group)

Доход	Фермеры, предприниматели	Занятые товарным ЛПХ	Домохозяйки	Неработающие	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Работники сельского хозяйства	Среднее
до 1 ВПМ (до 15 000 руб.)	9,1	42,1	59,4	53,6	48,5	27,9	32,4	36,6

³ Методика выделения групп сельских семей по уровню такого рода самозанятости представлена в книге [4].

Продолжение таблицы 2

1–1,5 ВПМ (15 000–21 500 руб.)	20,8	32,7	21,9	29,8	37,8	33,5	31,4	31,7
1,5–2 ВПМ (21 500–29 000 руб.)	27,3	7,5	8,3	10,7	8,2	21,5	17,6	15,8
2–2,5 ВПМ (29 000–36 000 руб.)	16,9	6,5	4,2	3,6	4,1	9,6	9	8,0
более 2,5 ВПМ (более 36 000 руб.)	26,0	11,2	6,3	2,4	1,5	7,5	9,6	7,8

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания»

В нашем исследовании он оценивается на основе анализа степени экономической депривации, иными словами, ответа на вопрос: «Была ли у вас ситуация за последние 12 месяцев, когда из-за нехватки денег вы не могли себе позволить удовлетворить какие-либо первоочередные нужды?». Варианты ответов суммировались, на основании чего выделялись группы по количеству лишений, идентифицируемые в степень депривации: отсутствие депривации, средняя степень (1–2 лишения за последний год), сильная (3 и более лишений). Не испытывают экономической депривации 33,8% семей предпринимателей и 24,1% домохозяйств лиц, занятых товарным ЛПХ (при средней 18,3%) (см. табл. 3).

Таблица 3

Экономическая уязвимость разных типов сельских домохозяйств, измеряемая через степень экономической депривации (% от соответствующей группы)

Table 3

Economic vulnerability of different types of rural households, measured by the degree of economic deprivation (% of the corresponding group)

Степень экономической депривации	Фермеры, предприниматели	Занятые товарным ЛПХ	Домохозяйки	Неработающие	Пенсионеры	Работники бюджетной сферы	Работники сельского хозяйства	Среднее
Не испытывают депривации	33,8	24,1	11,2	12,8	22,6	15,1	17,5	33,8
Относительная депривация (1–2 лишения)	62,3	64,8	65,3	70,9	62,3	69,8	67,2	62,3
Значительная депривация (3 и более лишений)	3,9	11,1	23,4	16,3	15	15,2	15,3	3,9

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования «Смыслы и ценности благополучия сельского населения Саратовской области, возможности достижения жизненных целей в местах проживания»

Основным значимым лишением, указанным фермерами, является отсутствие финансовой возможности провести свой досуг так, как захочется (50,6% при средней 39,0%). Среди сельчан, занятых товарным ЛПХ, около 46,1% также указали на нехватку денег для желаемого варианта своего досуга, к тому же они еще отме-

чали трудности со своевременной оплатой услуг ЖКХ, выплатой кредитов (33,7% при средней 29,9%). Работники сельского хозяйства чаще указывали на трудности, связанные с выплатой обязательных платежей (39,0%), вместе с тем среди них выше доля тех, у кого отмечаются трудности с обеспечением необходимой одежды (11,6% при средней 8,9%) и обуви по сезону (15,9% при средней 13,1%).

Фермерство, организации корпоративно-долевого уклада и сельское сообщество: перспективы согласования интересов

Институционализация аграрной реформы включала создание хозяйственных форм, сохраняющих коллективистское начало (сельскохозяйственные производственные кооперативы, товарищества, артели, колхозы). Данный уклад поддерживал в глазах сельских жителей образ колхозной организации труда в новых условиях. И это понятно, ведь вновь появившиеся формы хозяйственно-экономической и социокультурной организации жизни всегда сохраняют некоторые элементы предыдущего опыта. В силу этих обстоятельств часть сельского населения оказалась в составе членов таких организаций, а другая – в числе наемных работников у фермера. Чтобы понять разницу в положении членов сельских сообществ, связавших себя с данными организациями и фермерством, рассмотрим характерные черты корпоративно-долевого уклада. Поведенческий паттерн наемного персонала и его руководителей зависит не только от экономических, но и от гуманитарных целей. Руководитель – одновременно единственный полноценный владелец собственности ООО, ранее председатель колхоза, ведет себя наиболее гуманно по отношению к персоналу. Немного сдержаннее ведет себя руководитель подобного же типа хозяйства, пришедший со стороны, однако под давлением трудового коллектива он тоже придерживается человекосоразмерных смыслов своей профессиональной роли. Совсем иную позицию занимает фермер, ставший владельцем или собственником всех земель бывшего колхоза, превративший отношения с наемными работниками по образу капиталиста начала XX в. Трудовой персонал бесправен, и хозяин зачастую воспринимает их с позиции «работающей машины», из которой нужно выжать как можно больше.

Организации корпоративно-долевого уклада имеют разные предпосылки для комбинации экономических и гуманитарных целей, что во многом связано с масштабом предприятия. Сельскохозяйственная организация, насчитывающая более 100 работников, располагает полным перечнем служб, в том числе специалистами-технологами. Если хозяйство менее масштабно, специалист отвечает за два направления деятельности, например, зоотехническую и ветеринарную. И это типичная картина, поскольку в муниципальных районах преобладают в основном небольшие крупхозы. В регионах Поволжья в 20% сельхозорганizations работают до 30 работников, в 38,8% – от 60 до 100, в 5–6% хозяйств – 200–260 работников. В фермерских, даже крупных хозяйствах, число наемных работников не превышает 20–25 человек.

Разномасштабность крупхозов влияет на различие векторов жизненного мира сельских сообществ. Во-первых, доступность рабочих мест, которая связана не с крупностью села, а с тем, какой форме (корпоративно-долевой или фермерству) сообщество отдало предпочтение на первоначальной стадии аграрной реформы. Если фермерство предшествовало, то земельные паи семей отданы в аренду ему, и в акционерную организацию перейдет меньше работников и их земельных наде-

лов. Таким образом, в крупном селе сельскохозяйственная организация может оказаться небольшой по числу занятых. Позиция фермера, которому они отдали земельные паи, как правило, оказывается для односельчан неожиданной: он старается заполучить в пользование как можно больше пахотной земли и других угодий и лишь немногих односельчан обеспечить работой. Это раскалывает сообщество: те, кто не получил работы у фермера, не могут на равных войти в акционерную организацию. Без пая они приобретают статус не акционеров, а наемных работников и не получают права соучаствовать в партисипативных функциях. Несмотря на то, что законодательство дает арендодателю право расторгнуть договор аренды, сельские жители редко этим пользуются. Совокупно действующие в одном селе организации корпоративного уклада и несколько фермеров все-таки не справляются с задачей полного трудоустройства жителей в местах их базирования. Занятость только в ЛПХ или неаграрном отходничестве позволяют иметь доходы, превышающие оплату труда в местных формальных организациях. Именно неопределенность линий поведения участников аграрной реформы, наличие стихийности, самодеятельность акторов, рассматривающих деревню как сверхвыгодное пространство для бизнеса, ввели в жизненный мир сельского населения лакуны неблагоприятия, что заставляет оценивать подобные исторические формы с позиций крестьянского выживания и одновременно как решение продовольственных проблем в более широком, национальном масштабе. Это особенно важно в критические моменты, когда в результате реформ один порядок отношений прекращен, а другой еще не установлен.

Как показывает международный опыт функционирования фермерского уклада, разлад между наемными работниками и главами хозяйств нередко обусловлен мировоззренческими установками. Фермер, будучи в первую очередь предпринимателем, как отмечал М. Вебер, ориентируется на выгоду, достижение которой далеко не всегда соотнобразуется с правилами и моральными нормами [10]. Разъединение главы фермерского хозяйства с соисполнителями, особенно наемными работниками, чревато утратой качеств взаимопомощи, которая является ценностью для достижения общих целей [11]. Однако объединение в согласованную между собой группу коллективных акторов – более сложная задача, ведь среди них укоренено несколько типов – энтузиаст, предприниматель, враг, согласный (предлагающий всевозможную поддержку), патриарх, заложник, аутсайдер [13].

По оценкам экспертов, существует пять основных смысло-жизненных установок на высокие достижения: ориентация на использование передовых технологий хозяйствования; социо-профессиональный ресурс, многостороннее понимание особенностей своего социального положения и особенностей самостоятельного хозяйствования; видение перспективы роста хозяйства и принятие решений в этих целях; увеличение материального достатка семьи, своих близких и наемного персонала; участие в акциях гражданской активности в пространстве своей жизнедеятельности. Большой вес имеют такие смыслы как «не стать хронически безработным», «улучшить свое материально-финансовое положение», «помочь семье и близким людям».

Здесь отчетливо проявляется проблема человекосоразмерности социального взаимодействия – руководителя и наемного персонала, фермерского хозяйства

и сельского сообщества, нарушения правил моральной экономики. Поэтому внутри фермерского локального сообщества образуются как твердые («тугие») связи, так и рыхлые, когда участники остаются плохо информированными об актуальных проблемах хозяйствования, что ослабляет потенциал самопомощи внутри производственного персонала [11]. Возможно возникновение тенденции – все исключительно для своих и в пределах своих (группы родственников и избранных наемных работников).

Смысл укоренения, на наш взгляд, сводится к установлению прочных связей присутствия социального субъекта во всех структурах жизнеобеспечения, обуславливающее его воспроизводство в близкой и отдаленной перспективе. По отношению к фермерству это означает сохранение предпосылок устойчивого хозяйствования, выполнения социальной функции в микро- и макросреде, репродукцию субъектов деятельности и их материальных ресурсов. Общая закономерность существования и функционирования любых социохозяйственных единиц применительно к фермерству имеет немало специфических черт, которые пока недостаточно осмыслены в социологической науке. Прежде всего, не описаны образы внутренних групп, того, насколько они стремятся к развитию и совершенствованию. Хотя новаторство присуще и фермерству, но наличие и повторяемость в годовом репродукционном круге «непреложных обязанностей перед природой», не опривыченные способы их исполнения могут быть консервативными. Отсюда – неравномерность модернизации. Фермерский уклад, с одной стороны, привлекает творческих индивидов, а с другой – действует и крестьянская осторожность, недоверие эксперименту, чужому опыту. Неизбежна неустрашимость между креативностью и нормативностью [9].

Хозяйство мелкого фермера, впрочем, как среднего и крупного, представляет собой производственную фирму, которая по аграрной технологии и по общению с внешним миром, согласно М. Портеру, подвержена пятью ключевым вызовам: поведение потребителей, формализованные и стихийные поставщики востребованных ресурсов, конкуренты реальные и ожидаемые, новые институциональные формы функционирования, которые может ввести государство [14]. Не менее острая проблема связана с качеством сельскохозяйственной техники: многие мелкие фермеры до сих пор используют тракторы, комбайны, прицепную технику советского производства, которой уже более 30–40 лет. Она выходит из строя в напряженные дни сева или уборки зерновых культур. Доставать нужные узлы и детали некому, кроме самого фермера, но на это могут уйти дни и недели, что скажется на качестве и объемах сбора урожая.

Верхний слой фермеров, представляющий собой сформировавшийся средний класс, при однотипности объективных измерений своего положения, отличается степенью сохранения коллективистских начал социальных отношений недавнего советского прошлого. Среди эмпирически значимых фактов могут быть и такие: встретились несколько пожилых (около 70 лет) фермеров, которые поддерживают атмосферу равенства тягот хозяйствования. Из общей площади один из таких фермеров выделил «эксклюзивный участок», который он сам обрабатывает – от вспашки до уборки урожая, никого больше не привлекая себе в помощь. Во время «страды», времени наиболее напряженного труда, жена этого фермера го-

товит калорийную пищу не менее, чем из трех блюд, на всех работников, сама привозит ее в поле и приветливо расставляет перед каждым механизатором.

Описанная выше практика общения фермера с персоналом создает ореол его как «своего», «нашего человека». К сожалению, такой тип уходящий. Новый стиль – это фермер, идентифицирующий себя с успешным предпринимателем. Лично он не пашет и не сеет, лишь время от времени выезжает на крутом внедорожнике в поле, чтобы проверить качество выполнения технологии обработки земли, оценить трудовое прилежание конкретных работников. Более детальный надзор за работающим персоналом осуществляется менеджером, родственником фермера или нанятым работником.

Здесь мы видим действие научно-технического прогресса, описанного Й. Шумпетером, который сравнивал первых предпринимателей с вождем группы, сформированной вокруг него для решения производственных задач. Он выступал как рыцарь на белом коне, лично вторгаясь в гущу проблем и разрешал их. Однако длилось это недолго. Настало время, когда он слез с белого коня и засел за колонки цифр. Прежний ореол «нашего человека» исчез, в его жизнедеятельности стали преобладать моменты «разрушающего созидания».

Исследователи кадров сельскохозяйственной отрасли за основу сущности перемен, как правило, берут идеи западных ученых. В их представлениях село ждут следующие перемены: сельское хозяйство превращается из основного места аграрной занятости в пространство досуговых занятий и туризма. На село уйдут отдельные виды промышленного производства, чему предпосылкой явится дешевая рабочая сила и уменьшение транзакционных расходов. Российской деревне в отдаленной перспективе также не избежать модернизации, но бизнесу, базирующемуся в городах, вряд ли подойдут работники из села. Собственный потенциал кадров высокой профессиональной компетенции в АПК весьма невелик, что предопределено институционально, то есть численность кадров привязана к крупности предприятия.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что фермерский уклад движется в направлении, не соответствующем конкурентоспособному развитию АПК с учетом принципов социальной устойчивости. Сокращение фермерских хозяйств в пользу средних и крупных хотя и не угрожает снижению вклада фермеров в общероссийское производство продовольствия, но имеет негативные социоструктурные последствия: сокращается деятельная, авангардная часть сельского населения. Особого внимания требует мелкое фермерство. Сегодня его состав, будучи слабым по материальной базе хозяйствования, поставлен в равные условия со средним и крупным, и вынужден подражать им, зачастую опираясь на «негодные средства». Как раз это и нужно изменить. Подходы могут быть разные: можно установить новые параметры массового фермерства, крупные фермерские хозяйства преобразовать в акционерные общества. Пространство общественной самодеятельности сообществ возрастет.

Особенности гражданского участия сельского населения

Сегодня распределение видов действий в реализации общественного участия среди сельского населения неравномерно и зависит от смысловых ценностей. Их условно можно разделить на следующие направления. Первое связано

с помощью ближнему (в духе христианских заповедей и естественной доброты людей, живущих в одном поселении). Это сбор вещей и пожертвование денежных средств в пользу нуждающихся, участие в коллективных мероприятиях по обустройству территории поселения, кладбищ, дворов престарелых односельчан. В данном случае наиболее активны работники бюджетных отраслей (до 50%), сельчане, занятые в товарном ЛПХ, домохозяйки, фермеры. Второе направление связано с действиями по достижению справедливости и нормативного порядка внутри села: написание коллективных писем по поводу устранения проблем в бытовой сфере, объединение с другими акторами по вопросам доступности школ, медицинских учреждений, отсутствия кооперативных организаций. Здесь занята наименьшая доля сообществ – от 2 до 5%. Третье направление включает участие в выборах в разные органы власти, вопросах самоуправления, в патриотических и экологических акциях (от 7 до 20%). Неравномерность гражданского участия связана с различием мотивации разных групп сообществ (см. табл. 4).

Таблица 4

**Мотивы участия в общественной деятельности сельского населения
(% от соответствующей группы)**

Table 4

**Motives of the rural population for participation in social activities
(% of the corresponding group)**

Индикатор	Бюджетники	Фермеры	Занятые товарным ЛПХ	Домохозяйки	Не имеющие официальной работы	Пенсионеры	Наемные работники сельского хозяйства
Из-за чувства долга и ответственности	28,9	34,5	34,1	26,0	16,9	29,7	20,4
Из-за желания изменить жизнь к лучшему	39,3	27,1	35,2	36,4	22,0	21,9	22,4
Так воспитан	36,4	37,3	36,4	42,9	28,8	31,0	38,8
Хочется помогать людям, мне интересно	15,0	16,9	20,5	15,6	11,9	11,6	8,8
Меня попросили поучаствовать, я и пошел	11,4	8,5	13,6	6,5	18,6	16,1	22,4
Ради живого общения с людьми	7,8	8,5	12,6	6,5	13,6	9,7	4,8

Источник: рассчитано автором по результатам социологического исследования

Как видим, распределение ответов обусловлено проявлением «чувства долга и ответственности», и тем, что «иначе нельзя», «так воспитан», которыми чаще руководствуются бюджетники, фермеры, сельчане, занятые товарным ЛПХ, безработные сельские жители и домохозяйки. Интересно распределение ответов по альтернативе «ради общения с другими людьми». При низких показателях для всех групп работники формальных сельскохозяйственных организаций оказались в самом низу представленного списка. Вероятно, здесь действует фактор усталости от монотонной работы, отсутствие интереса к общению с другими односельчанами и членами сообщества, большинство которых не имеет отношения к совместному аграрному труду.

Выводы

Опираясь на данные исследования, можно представить будущие образы векторов жизненного мира сельских сообществ.

Вектор 1. Доступность каналов обеспечения материального достатка в местах проживания не изменится. Масштабы заработка в сфере самозанятости и неаграрного отходничества могут возрасти. Причина – вытеснение неквалифицированных кадров инновационными ресурсами научно-технического прогресса.

Вектор 2. Реализация креативности сельских жителей улучшится в формальном агропродовольственном комплексе и возрастет в неформальном хозяйствовании. При этом несколько укрепится предпринимательская направленность жизнедеятельности крестьянского типа. Хотя отсутствие возможности выбрать желаемую или получить любую работу по месту жительства отразилось в сознании постколхозника как в принципе невозможное явление, само сельское население частично исправило ситуацию, покинув село или перейдя на неземельное отходничество. Мало того, сельские жители со временем поняли, что земельные пай (их имеют 40% сельских жителей), даже никогда не увиденные, обладают свойством капитала. Продукт или денежная оплата, получаемые от арендаторов, становятся предметом рыночного обмена внутри сообщества. Солидарно выступает сообщество против попыток отдельных семей сдать свой земельный пай выгодному (по оплате), но чужому арендатору. Мотивация: «Свой, наш фермер если разорится, потеряв часть земли, мы все проиграем».

Вектор 3. Мобильность членов сельских сообществ по-прежнему не будет совпадать с перспективными целями развития агропродовольственного комплекса.

Вектор 4. Страховая функция мира сельских сообществ, направленная на восполнение продовольствия в стране, сохранится, и в случае востребованности может реализовываться через самозанятость в разных самостоятельных формах.

Вектор 5. Духовность жизненного мира сельских сообществ сохранит ядро традиционных духовно-нравственных ценностей. В случае отрицательного воспроизводства молодежных групп авторитет учреждений культуры культурно-просветительского советского типа будет ослаблен, наоборот, ценность культовых объектов (церквей в местах жительства) возрастет.

На наш взгляд, наибольшей перспективой включения населения в хозяйственную жизнь обладает вектор, связанный с занятостью в индустрии высоких технологий. Однако он ориентирован на очень узкий круг занятых. Основная масса работников сельскохозяйственных организаций предпочитает самозанятость, включающую как старые формы (расширенные ЛПХ, ремесла), так и новые формы организации труда (небольшие кооперативы по интересам, комбинирование производства, переработки и продажи и т. п.), восстановление традиционной кооперации, имеющей позитивный исторический опыт функционирования в деревне. В пореформенные годы креативность в виде технического творчества переместилось из учреждений культуры в домашнюю сферу, что дает свои результаты в информационной сфере, изготовлении различных приспособлений, расширении рационализаторства, стимулировании обмена идеями в сельских сообществах. Потенциальные возможности расширения трудоустройства сельчан сосредоточены также в использовании уникальных ресурсов природных ландшафтов.

Далеко не оптимистический взгляд на векторы жизненного мира вызван очень медленным приростом позитивных сдвигов в жизни деревни. Но это личное представление автора. Возможно, по-другому быть и не могло, поскольку коренное переустройство жизни села – очень сложная задача, не изолированная от общенациональных задач и предполагающая преодоление организационной, временной, пространственной проблем стыковки средств удовлетворения спроса хозяйствующих субъектов и потребностей духовного порядка, которые далеко не всегда в реальных практиках являются приоритетными. Вместе с тем в общественном сознании меняется и отношение к деревне: миллионы горожан ежегодно выезжают на малую родину на отдых. Появились модели движения горожан, освоение природной среды как места постоянного проживания. Отдельные поселения, дом в деревне, дачные поселки – реальное проявление этой идеи. Проводятся исследования и публикуются научные работы, альтернативные недавнему высокомерному отношению к деревне.

Список литературы

1. Шюц, А. Избранное: Мир, святиющийся смыслом / А. Шюц ; Составление, научная редакция и послесловие Н. М. Смирновой. Москва : Издательство «Политическая энциклопедия», 2004. 1056 с. ISBN 5-8243-0513-7. EDN [QWHEJL](#).
2. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью / Ю. Хабермас ; Ответственный редактор Н. В. Мотрошилова; перевод с немецкого: Т. Ю. Бородай, В. И. Кононов, А. В. Михайлов. 2-е издание. Москва : Academia, 1995. 245 с. ISBN 5-86187-044-6. EDN [SNCZGF](#).
3. Великий, П. П. Неоотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 44–49. EDN [MULYVV](#).
4. Семейное хозяйствование в жизненном пространстве современной деревни / П. П. Великий, А. Н. Кочетов, Ч. И. Ильдарханова [и др.]. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2020. 240 с. ISBN 978-5-6045603-2-7. EDN [TFOLEO](#).
5. Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность : коллективная монография / Р. И. Анисимов, М. Б. Буланова, И. В. Воробьева [и др.]. Москва : Издательство «Весь Мир», 2024. 462 с. ISBN 978-5-7777-0938-7. EDN [IEJRKS](#).
6. Великий, П. П. Современная Российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии / П. П. Великий, А. А. Вальяшина // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](#). EDN [ICIJDC](#).
7. Великий, П. П. Социокультурные и политические аспекты жизненного мира российского сельского социума / П. П. Великий, А. А. Вальяшина // Социологические исследования. 2025. № 4. С. 3–19. DOI [10.31857/S0132162525040011](#). EDN [ZMRTFE](#).
8. Аграрно-сельская социология: история, концепции, методология, Москва, 21–24 октября 2008 г : материалы секции 38 Третьего Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: пути взаимодействия» / В. И. Староверов и др. ; редкол.: Староверов В. И. (отв. ред.) и др. Москва : РАКО АПК, 2009. 21 с. ISBN 978-5-93098-049-3. EDN [QOKETV](#).
9. Menke, C. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Ästhetisierung // Initial. 1991. Vol. 4. Pp. 383–395. ISSN 0863-4564.
10. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley : University of California Press, 1978. 1469 p. ISBN 9780520035003.
11. Gotz, K. Research on Mobility and Lifestyle – What are the Results? / K. Gotz, T. Ohnmacht // Mobilities: New Perspectives on Transport and Society / Ed. by J. Urry, M. Grieco. London : Routledge, 2012. Pp. 91–109. ISBN 9781315595733. DOI [10.4324/9781315595733](#).
12. Шпенглер, О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т. 1 : Гештальт и действительность. Москва : Мысль, 1998. 666 с. ISBN 5-244-00656-8

13. Eriksson, M. Collective Actors as Driving Forces for Mobilizing Social Capital in a Local Community: What Can Be Learned for Health Promotion? / M. Eriksson, L. Dahlgren, M. Emmelin // *Social Capital and Rural Development in the Knowledge Society* / Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2013. Pp. 273–299. ISBN 978-1782540595.

14. Portes, A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1–24. DOI [10.1146/annurev.soc.24.1.1](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1).

Сведения об авторе

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт аграрных проблем ФИЦ СЦ РАН (Федеральный исследовательский центр «Саратовский научный центр Российской академии наук»), Саратов, Россия.

Контактная информация: e-mail: iagpran@mail.ru; ORCID [0000-0001-5104-2153](https://orcid.org/0000-0001-5104-2153); РИНЦ SPIN-код: [2252-7732](https://www.rscg.ru/spin/2252-7732); Web of Science Researcher ID: [AAP-8978-2021](https://orcid.org/AAP-8978-2021).

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

VECTORS OF HISTORICAL CHANGE IN THE SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL LIFE OF RURAL SOCIETY IN RUSSIA

Peter P. Velikiy

Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center “Saratov Scientific Center RAS”, Saratov, Russia

E-mail: iagpran@mail.ru

For citation: Velikiy, P. P. Vectors of Historical Change in the Socio-Economic and Cultural Life of Rural Society in Russia. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 10–29. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.1](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.1). (In Russ.)

Abstract. Drawing on the methodological principles of the theory of sociology, this article examines the structure of rural population’s lifeworld. It explains why the centuries-long experience of private labour in peasant communities has not been integrated into the new opportunity to farm as an individual farmer. At the beginning of the agricultural reform in the 1990s, many villagers lacked the necessary knowledge and did not appreciate the value of fertile land, which had a negative impact on decision-making processes. The article identifies the characteristics of lifeworld as a reality, in the form of “unfinished projects”, influenced by both objective conditions and subjective factors, not only in the present but also in both the near and distant futures. It assesses the specific features of the socio-cultural and spiritual life in rural communities, taking into account the exclusion of large numbers of their members from traditional modes of work, socio-cultural, and civic engagement. From the perspective of commensurate human values, the issues of self-determination for two key groups within rural communities – agricultural workers and farmers – are examined. An explanation is provided for the emergence and establishment of a trend towards unjustified deep social inequality in rural areas, associated with an orientation of agricultural production towards the inclusion of a limited group of members from former collective and state-owned farms. Vectors for possible future changes to the lifeworld of rural society have been formulated. Harmonization of rural lifeworld depends on mutual coordination of activities of various organizations responsible for rural development based on consideration for the needs and interests of socio-professional groups in rural areas.

Keywords: rural communities, agrarian reform, socio-cultural activity, civic participation, farmers, personnel of corporate-share organizations, traditions, lifeworld

References

1. Schütz, A. *Izbrannoye: Mir, svetyashchiysya smyslom [Featured: A World Glowing with Meaning]*. Compiled, scientifically edited, and afterword by N. M. Smirnova. Moscow: Political Encyclopedia Publishing House, 2004. 1056 p. ISBN 5-8243-0513-7. (In Russ.).
2. Habermas, J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost': Moskovskiye lektzii i interv'yuy [Democracy. Reason. Morality: Moscow Lectures and Interviews]*. Executive editor N.V. Motroshilova; translation from German: T. Yu. Borodai, V. I. Kononov, A. V. Mikhailov. 2nd edition. Moscow: Academia Publishing House, 1995. 245 c. ISBN 5-86187-044-6. (In Russ.).
3. Velikiy, P. P. Neotkhodnichestvo, ili Lishniye lyudi sovremennoy derevni [Neotkhodnichestvo, or the Superfluous People of the Modern Village]. *Sociological Studies*. 2010. No. 9(317). Pp. 44–49. (In Russ.).
4. Velikiy, P. P., Kochetov, A. N., Ildarkhanova, Ch. I., et al. *Semeynoye khozyaystvovaniye v zhiznennom prostranstve sovremennoy derevni [Family Farming in the Living Space of a Modern Village]*. Saratov: Saratovskiy istochnik Publishing House, 2020. 240 p. ISBN 978-5-6045603-2-7. (In Russ.).
5. Anisimov, R. I., Bulanova, M. B., Vorobyova, I. V. *Zhiznennyy mir rabotnikov: ustoychivost' versus prekarnost' [The Lifeworld of Workers: Sustainability versus Precarity]*: collective monograph. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2024. 462 c. ISBN 978-5-7777-0938-7. (In Russ.).
6. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sociological Studies*. 2025. No. 1. Pp. 53–69. DOI [10.31857/S0132162525010068](https://doi.org/10.31857/S0132162525010068). (In Russ.).
7. Velikiy, P. P., Vyalshina, A. A. Sociocultural and Political Aspects of the Lifeworld of Russian Rural Society. *Sociological Studies*. 2025. No. 4. Pp. 3–19. DOI [10.31857/S0132162525040011](https://doi.org/10.31857/S0132162525040011). (In Russ.).
8. Staroverov, V. I., et al. *Agrarno-sel'skaya sotsiologiya: istoriya, kontseptsii, metodologiya [Agrarian-Rural Sociology: History, Concepts, Methodology]*. Moscow, October 21–24, 2008: materials of section 38 of the Third All-Russian Sociological Congress “Sociology and Society: Ways of Interaction”. Editorial board: Staroverov, V. I. (editor-in-chief) et al. Moscow: Russian Academy of Personnel Provision for the Agro-Industrial Complex, 2009. 21 p. ISBN 978-5-93098-049-3. (In Russ.).
9. Menke, C. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Ästhetisierung. *Initial*. 1991. Vol. 4. Pp. 383–395. ISSN 0863-4564.
10. Weber, M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p. ISBN 9780520035003.
11. Gotz, K., Ohnmacht, T. Research on Mobility and Lifestyle – What are the Results? In: *Mobilities: New Perspectives on Transport and Society*. Ed. by J. Urry, M. Grieco. London: Routledge, 2012. Pp. 91–109. ISBN 9781315595733. DOI [10.4324/9781315595733](https://doi.org/10.4324/9781315595733).
12. Spengler, O. *Zakat Yevropy : ocherki morfologii mirovoy istorii [The Decline of Europe: Essays on the Morphology of World History]*. Translated from German, with an introduction and notes by K. A. Svasyan. Vol. 1: Gestalt and Reality. Moscow: Mysl' Publishing House, 1998. 666 c. ISBN 5-244-00656-8. (In Russ.).
13. Eriksson, M., Dahlgren, L., Emmelin, M. Collective Actors as Driving Forces for Mobilizing Social Capital in a Local Community: What Can Be Learned for Health Promotion? In: *Social Capital and Rural Development in the Knowledge Society*. Ed. by H. Westland, K. Kobayashi. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013. Pp. 273–299. ISBN 978-1782540595.
14. Portes, A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1–24. DOI [10.1146/annurev.soc.24.1.1](https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.1).

Bio note

Peter P. Velikiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems, Federal Research Center “Saratov Scientific Center RAS”, Saratov, Russia, Saratov, Russia.

Contact information: e-mail: iagpran@mail.ru; ORCID [0000-0001-5104-2153](https://orcid.org/0000-0001-5104-2153); RSCI SPIN-code: [2252-7732](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=2252-7732); Web of Science Researcher ID: [AAP-8978-2021](https://orcid.org/AAP-8978-2021).

Received on 10.03.2026; accepted for publication on 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.